

УДК 811.161.1-3
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)63-44

ГСНТИ 17.82.09

Код ВАК 10.01.01

В. Д. Черняк
М. А. Черняк
Санкт-Петербург, Россия

ДОВОЛЬНО ЛИ СЛОВ?

(Рецензия на книгу: Ю. В. Щербинина. Довольно слов. Феномен языка современной российской прозы. Москва: Изд-во «Эксмо», 2017)

Ключевые слова: современная литература; литературный язык; читатели; жанры литературы; проза.

V. D. Chernyak
M. A. Chernyak
Saint Petersburg, Russia

ARE THERE ENOUGH WORDS?

(Review of the book: Yu. V. Shcherbinina. Pretty words. The phenomenon of the language of modern Russian prose. — Moscow: Publishing House "Eksmo", 2017)

Keywords: modern literature; literary language; readers; literature genres; prose.

Особое внимание к проблемам языка в последние годы проявляется и в активных общественных дискуссиях о языке, и в разнообразных акциях, таких, например, как «Тотальный диктант», в которые вовлекаются тысячи людей, и в формировании особого жанра лингвистической публицистики. На этом фоне появление книги Ю. Щербининой симптоматично. В жанре «филологический нонфикшн», обозначенном самой редакцией, появляется произведение, в котором, с одной стороны, известным филологом рассматривается «речевая повседневность» сквозь призму художественных текстов современных авторов, а с другой — представлена рефлексия о языке самих авторов, активных участников современного литературного процесса.

Дистгармонический облик нашей эпохи проявляется в стилистической разноголосице современной литературы. Специфика времени обнаруживается не только в «омасовлении» культуры вообще и литературы в частности, но и в ее дифференциации, что, с одной стороны, соответствует субкультурной стратификации общества, а с другой, образованию и сосуществованию различных литературных направлений, перегруппировке стилевых потенциалов. В художественном тексте, воплощающем языковую интуицию и языковую рефлексию автора, многие явления современной речи не просто фиксируются, а отбираются и по-разному интерпретируются. По многочисленным опросам социологов видно, что отторжение массовым читателем современной литературы связано часто именно с ее языком, с одной стороны, создающим эффект «подслушанной улицы», а с другой — столь отличающимся от, казалось бы, привычной и знакомой со школьной скамьи классической литературы. В связи этим разговор о языке современной прозы необходим широкому читателю.

Ю. В. Щербинина известна своими критическими статьями о новейшей прозе, в которых большое внимание уделяется и языку как форме художественного текста, и языку как важнейшей содержательной составляющей произведения. Ее занимают

и новые формы современных текстов («Чтение в эпоху Web 2.0», «Культ личности языка» «Эхотекст как воля и представление», «Онкологос» и др.), и манипулятивные возможности языка («в обществе сверхпотребления содержание поглощается формой, а утраченные значения — «съеденные смыслы» — замещаются спекулятивной идеологией и словесными манипуляциями самого разного рода» [Щербинина 2017: 33]).

В новой книге автора в концентрированном виде представлены идеи, пронизывающие ее статьи. Ю. Щербинина формулирует свой замысел так: «прочитать произведения современных российских авторов как «транскрипции» языковой реальности, посмотреть на речевую повседневность сквозь призму художественного текста». Художественный текст рассматривается как «своеобразное зеркало, отражающее и прекрасные лики, и уродливые гримасы живого языка. Картина, на которой можно разглядеть мельчайшие штрихи речевой повседневности. И, возможно, современная литература — наиболее живописный портрет нынешней эпохи и самое правдивое зеркало речевой действительности» (с. 11). С этих позиций анализируются «Московские тени» Р. Сенчина и «Жизнь удалась» А. Рубанова, «СанькЯ» З. Прилепина (почему-то в книге Щербининой повесть названа «СанькА») и «Домик в Армагеддоне» Д. Гуцко, «Победительница» А. Слаповского и «ГенАцид» Вс. Бенгисена, «Логопед» В. Вотрина и «Мертвый язык» П. Крусанова и др.

Ю. Щербинина внимательно исследует «речевое пространство романов» — и авторскую и персонажные сферы, на многочисленных примерах показывает, что «следствие виртуализации и деформации речи — предельная разъединенность людей, невозможность подлинного общения и взаимопонимания» [Щербинина 2017: 27].

Яркие, метафоричные названия разделов книги обнажают смысловые узлы текста (приведем лишь некоторые): Смещение курсора; Кушать подано; Запечатать рот; Разглядеть отражение; Волшебное

слово «миллион»; Высокопарных слов не надо опастаться?; «Грамотный приятней неграмотного»; Безъязычие бублимира; Запиаренная реальность; Словесная узурпация; Гибель слова — гибель мира; Слова-липушки; Диалог как форма бегства; Семантическая вселенная; Анфилада лингвистических тупиков; Введение в гламуродискурс; Обнажение первосмыслов; Невыраженность vs невыразимость; «Язык доведёт вас». Эти названия-формулы будят воображение читателя и открывают возможности продолжения рефлексивной деятельности по поводу многих современных текстов.

Подвергая тексты современных авторов тонкому филологическому анализу, Ю. Щербинина отмечает «словесное бессилие, беспомощность речи», подавление реального виртуальным, вытеснение межличностных коммуникаций массовыми, «коммуникативное бессилие, отсутствие слов для адекватного выражения мысли, обнищание речи на всех уровнях и в любых сферах — от кухонных споров до политических дискуссий», лексическое расслоение под влиянием расслоения социального (так, по наблюдениям Ю. Щербининой, роман А. Рубанова «Жизнь удалась» — «почти пособие по изучению бизнес-жаргона»). Как пишет Ю. Щербинина, «за постиндустриальным обществом прочно закрепилось определение “империя болтовни”. Пустословие, словоблудие, трёп — всё это так или иначе обозначает максимум слов при минимуме смыслов. Результат — заметное снижение способности адекватно воплощать мысли в слове» [Щербинина 2017: 89–90].

Агрессивность современной речи, очевидная и в повседневной коммуникации, и в масс-медиа отражена во многих произведениях В. Козлова, Р. Сенчина, П. Крусанова, А. Рубанова, А. Иванова. Этот ряд авторов легко продолжить. Так, например, по словам Ю. Щербининой, в романах В. Козлова «периферия становится центром: «антикультурное», «низовое», изначально не предполагающее беллетризации <...> оказывается зафиксированным с близкого расстояния и во всех ракурсах. Получаются словесные фотоснимки спальных районов, заключенные в повествовательную рамку. Крупным планом и без “фотошопа”» [Щербинина 2017: 75]. «Броня лексического негатива — тонкая и непрочная — требует постоянного наращивания» [Щербинина 2017: 85].

Ю. Щербинина обращается в своем исследовании к идеям В. Мартынова, автора нашумевшей книги «Пестрые прутья Иакова», ставящей точный диагноз современной культуре. Мартынов полагает, что «национальная идея — это то, что можно сформулировать словами, это то, что можно высказать, ибо национальная идея есть не что иное, как словесное оформление представлений о реальности. Поэтому национальная идея — это всегда дискурс, всегда идеология. Национальная судьба — это то, что невозможно сформулировать словами, это то, что невозможно высказать... национальная судьба может явить себя только в некоем невербальном знаке, подобно гексаграмме. Национальная судьба — это

иероглиф»¹ [Мартынов 210: 61]. По мнению Щербининой, «индивидуальные варианты национальной судьбы в деформированном речевом пространстве предложены в «Орфографии» Дмитрия Быкова (герой Ять — уже сам по себе гексаграмма) и в «Блуде и МУДО» Алексея Иванова (иероглиф на снегу в память об исчезнувшем персонаже). В «ГенАциде» таким знаком становится нарисованный продавщицей Таней и выставленный в витрине продмага запрясающий знак в виде открытой и перечеркнутой книги» [Щербинина 2017: 180].

Особый интерес представляют романы-эксперименты и романы-прогнозы в области языка и речи. Здесь нельзя не отметить прекрасный анализ «лингвофурорологического романа» А. Слаповского «Победительница». Стоит согласиться, что «“Победительница” — настоящий лакомый кусок для читателей-гурманов и непаханое поле для ученых-лингвистов» [Щербинина 2017: 151]. Ю. Щербинина справедливо утверждает, что по аналогии с термином «филологический роман» существует и «лингвистический роман» [Щербинина 2017: 14], представляющий развернутую интерпретацию современной речи, вскрывающий «социально-исторические истоки современной драмы “безъязыкости”» [Щербинина 2017: 98].

Особое место в книге занимает «прямая речь авторов» — «своеобразный венок писательских мини-эссе». В диалоге приняли участие Всеволод Бенигсен, Денис Гуцко, Алексей Иванов, Владимир Козлов, Павел Крусанов, Александр Мелихов, Андрей Рубанов, Анатолий Рысов, Роман Сенчин, Алексей Слаповский. Авторы представляют общие размышления о современной речи, одновременно вступая в диалог с книгой Ю. Щербининой.

К словам А. Слаповского, вероятно, могли бы присоединиться не только многие писатели, но и журналисты, и филологи-исследователи, все, кого волнует жизнь языка, кто считает ее важной частью и личного и общественного существования: «Язык — моя среда обитания, мой воздух. Сейчас вокруг смог. Но другим воздухом я дышать не научусь, да и не хочу. Для меня важно не столько ахать и охать по поводу тотального загрязнения, сколько работать маленьким заводом, производящим, извините за наглость, кислород. Мало, сколько могу. И заодно пытаться хоть как-то очистить смог, поневоле заглатывая мусорные частицы, портящие мой собственный фильтр. Это всегда было задачей интеллигенции, озонирующей языковую атмосферу» [Щербинина 2017: 211].

А. Рубанов, разделяя мнение многих авторов, озабоченных судьбами родного языка, пишет о «стремительной девальвации слова» и подчеркивает, что «кризис вербальности» — часть более крупного, глобального социального кризиса [Щербинина 2017: 119]. А. Мелихов утверждает: «примитивизация языка — лишь следствие примитивизации общества, следствие неспособности культурной элиты

¹ В. Мартынов. Пестрые прутья Иакова. Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни. М.: Класика — XXI, 2010.

выполнять свою извечную обязанность — отделять высокое от низкого, остроумное от вульгарного, утонченное от хамского. Перемешиванию «культурных» и «некультурных» слов всегда предшествует перемешивание культурных и некультурных слов. А примитивизация языка предшествует примитивизация элиты» [Щербинина 2017: 237].

Д. Гуцко говорит о гуманитарных проблемах, связанных и с изменением речевых традиций, и со сменой культурного кода: «Беда в том, что те, кто идет нам на смену, — поколение *Сети*, поколение нечитающих, — в лишенной Слова пустоте, под напором густого информационного хаоса заговорило на языке корпоративных концепций и модных тренингов по личностному росту — причем заговорило не только в этой самой Сети, но и между собой, вживую. Опять же полбеда, что этот язык полон необязательных, нелепых, режущих слух, клоунских заимствований — пусть бы смешил нас «скиллами» вместо «навыков» и «умений» и «мес-сиджем» вместо «сигнала» или «смысла». Опасность в том, что та реальность, которую конструирует офисно-тренинговый язык, — вымышленная от «А» до «Я», и вымысел этот нежизнеспособен <...> В языке, которым заговорило отказавшееся от книги поколение, видное место занимают мемы, играющие роль маячков «свой — чужой», схлопывающие круг общения, фрагментирующие его уже по признаку сиюминутной осведомленности: «в теме — не в теме» [Щербинина 2017: 105–106].

В высшей степени актуально предупреждение писателя: «Риски, которым подвергается русский язык со стороны *добровольно безграмотных*, действительно велики. Противопоставить им можно только пропаганду грамотности в самых ее утонченных формах: быть грамотным должно быть модно, грамотность должна стать признаком стиля» [Щербинина 2017: 108].

Многочисленные дискуссии о современной литературе, с одной стороны, и практически ежедневно появляющиеся книжные новинки, с другой, убеждают в том, что нельзя рассматривать современный литературный процесс как однолинейный и одноуровневый. Литературные стили и жанры явно не следуют друг за другом, а существуют одновременно. Многоголосие новейшей литературы, отсутствие единого метода, стилистическая какофония — одна из ярких черт новейшей литературы. Современная литература — это совокупность разнонаправленных, несовпадающих векторов и жанровых, и стилистических, и лингвистических поисков, в которых трудно выделить эстетическую доминанту. В 1997 г. писатель В. Ерофеев в интервью, входившем в сборник «Постмодернисты о посткультуре», сказал: «Я принимаю слово только с мятежными войсками, которые взбунтовались против обыденного банального слова. <...> Литература сейчас находится в словесном болоте. Слова о том, что роман умер, не банальны, но сейчас умирает слово, потому что этому слову не хватает энергии»² [Ерофеев 1997: 77]. За 20 лет многое изме-

нилось в социокультурных параметрах литературного процесса. Книга Ю. Щербининой убеждает в том, что современная литература из «словесного болота» вышла, правда, тут же столкнувшись с другими вызовами эпохи гипертекста.

Безусловно, любая книга о современной литературе вызывает вопрос об отборе текстов. Почему Вотрин, а не упоминаются яркие лингвистические эксперименты «Теллурии» В. Сорокина? Почему «Блуда и МУДО» Иванова, а не его же «Ненастье»? Почему Козлов, а не Шаргунов? А как же стилистические и эксперименты Е. Водолазкина и М. Шишкина? т. д. и т. п. С подобными вопросами сталкивается любой исследователь современной литературы, описать которую объективно пока сложно, да и практически невозможно. Тем не менее, книга Ю. Щербининой и предложенный ею механизм анализа текстов дает возможность вдумчивому читателю проверить его на других текстах и сделать самостоятельные выводы о языковой палитре актуальной словесности.

«Изменчивая литература в меняющемся мире коварна в своем течении и развитии. Позавидуем филологам, сосредоточенным на золотом XIX веке, — но здесь, в современности, для филологов, может быть, больше азарта, больше адреналина»³ [Иванова 2012: 202], — эти слова критика Н. Ивановой можно в полной мере отнести к рецензируемой книге, полной этого адреналина и исследовательского азарта.

ЛИТЕРАТУРА

Ерофеев В. Интервью // Постмодернисты о посткультуре. — М., 1997.

Иванова Н. Свободная и своенравная — или бессмысленная и умирающая? Заметки об определениях современной словесности // Знамя. — 2012. — № 7. — С. 202–208.

Мартынов В. Пестрые прутья Иакова. Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни. — М.: Классика — XXI, 2010.

Щербинина Ю. Довольно слов. Феномен языка современной российской прозы. — М.: Изд-во «Э», 2017.

REFERENCES

Erofeev V. Interv'yu // Postmodernisty o postkul'ture. — М., 1997.

Ivanova N. Svobodnaya i svoenravnaya — ili bessmyslennaya i umirayushchaya? Zаметки ob opredeleniyakh sovremennoy slovesnosti // Znamya. — 2012. — № 7. — С. 202–208.

Martynov V. Pestrye prut'ya Iakova. Chastnyy vzglyad na kartinu vseobshchego prazdnika zhizni. — М.: Klassika — XXI, 2010.

Shcherbinina Yu. Dovol'no slov. Fenomen yazyka sovremennoy rossiyskoy prozy. — М.: Izd-vo «E», 2017.

² Ерофеев В. Интервью // Постмодернисты о посткультуре. М., 1997.

³ Иванова Н. Свободная и своенравная — или бессмысленная и умирающая? Заметки об определениях современной словесности // Знамя. 2012. № 7. С. 202–208.

Данные об авторах

Валентина Даниловна Черняк — доктор филологических наук, профессор Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Адрес: 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48.

E-mail: vdcher@yandex.ru.

Мария Александровна Черняк — доктор филологических наук, профессор Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Адрес: 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48.

E-mail: vdcher@yandex.ru.

About the authors

Valentina Danilovna Chernyak — Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (Saint Petersburg).

Maria Aleksandrovna Chernyak — Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (Saint Petersburg).